

Корельская свадьба.

Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе сосѣдей—русскихъ, до сихъ поръ еще имѣетъ много оригинальнаго, своеобразнаго, такого, что присуще только ей одной. Въ особенности много своеобразнаго въ обрядахъ, которыми обставляются важнѣйшіе моменты въ жизни кореляковъ, въ обрядахъ свадебныхъ и погребальныхъ.

Свадьбы въ Корелѣ по большей части бывають или осенью, до Филиппова поста (Раштаванъ пуһа), или же зимою послѣ Рождества (дялгесъ Раштавадъ). Выборъ такого времени для заключенія браковъ—вполнѣ понятенъ. Осеннее и зимнее время болѣе свободное для кореляка и, сравнительно, болѣе богатое....

Къ осени полевые работы всѣ покончены: сѣно выкошено и убрано, хлѣбъ засѣянъ, при томъ, у каждого съ осени водится свой хлѣбъ, своя крупа и у большинства солѣное или вяленое (высушенное на солищѣ) мясо. Къ тому же, съ первымъ снѣгомъ въ корельскомъ краѣ начинаются и кой какіе заработки, дающіе мѣстнымъ жителямъ «деньгу на расходы» (росходуйһъ). Вывозка бревенъ (ведо), рубка дровъ для лѣсопромышленниковъ, охота на лѣсную дичь,—все это въ общемъ даетъ кореляку кой-какіе доходы, на которые онъ можетъ и водки закупить свадебнымъ гостямъ, и одарить ихъ подарками (лаһьюйтада), и jopa убоготворить за вѣнчанье.

«А нужно-либо нашего Пекуу (Петра) обвѣнчать въ этомъ году», скажетъ корелякъ-семьянинъ въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, сидя за вязаньемъ сѣтки: «жена моя—единственная хозяйка (эйндэ) въ семьѣ—стара теперь стала, трудно ей одной справиться съ домою, нужна ей непременно помощница, молодая невестка»... Скажетъ и заволокнетъ на цѣлый вечеръ, еще болѣе углубясь въ свою механическую работу. Но слова «рѣдкюбая»—кореляка не пропади даромъ... Проходитъ недѣля, проходитъ другая, и вдругъ въ воскресный или праздничный вечеръ созываются къ нему въ домъ ближайшіе родственники: братъ, сестра, крестный отецъ (ристияй), его крестная мать (ристия), женихъ снаряжается въ лучшее платье, и длинный рядъ лошадей, увѣшанныхъ бубенчиками, запряженныхъ въ легкіе санки съ сидящими въ нихъ свадебными гостями, направляется къ тому дому, гдѣ живетъ молодая дѣвушка, по возрасту—невеста.

Женихъ съ родственниками входитъ въ домъ невесты и послѣ первыхъ привѣтствій говоритъ: «прежде ходилъ къ вамъ для хольбы, а теперь пришелъ добрымъ молодцомъ» (эндэ кавюйһъ кавюмишта, нюгю тулинъ хувакъсъ миеһакъсъ). Отецъ невесты и его семейные радужно встрѣчаютъ «сватовъ» (сулһайжидъ) и приглашаютъ ихъ сѣсть за столъ въ почетномъ большомъ углу». Невѣста же убѣгаетъ вонъ изъ дому; если зимнее время, то уходитъ въ деревню, въ домъ сосѣда, а если лѣтнее, то запирается въ своемъ чуланѣ и здѣсь одѣвается въ самое лучшее платье, какое только у ней есть. Кстати замѣчу, обычай требуетъ, чтобы каждая корельская дѣвушка, принадлежащая къ болѣе или менѣе состоятельной семьѣ, имѣла непременно шелковое или шерстяное платье, хотя изъ дешевой матеріи, и суконное тѣплое пальто... Пока не справлена ей эта одежда, она до тѣхъ поръ не считается настоящей невестой.

Тѣмъ временемъ, пока невеста одѣвается, женихъ и его родственники, сидя за столомъ, ведутъ съ ея семейными обычный мирный разговоръ: «Что слышно (мидъ куулувъ)? какъ хлѣбъ въ этомъ году уродился, сколько скотины на дворѣ стоитъ, сколько денегъ заработали вывозкой бревенъ лѣсопромышленникамъ и т. п... Женщины же, какъ уторѣды,

суетятся, приготовляя гостямъ угощеніе: наливаютъ водой самовары, разводятъ на очагѣ огонь, мѣсятъ тѣсто для пироговъ; для подмоги (на поощеніе) къ нимъ, обыкновенно, приходятъ дѣвушки, подруги невесты. Когда все приготовлено, когда скипать самовары, выпрягать пироги (такъ называемые «пращённые» — кейтинъ-пйрайды), приходитъ домою невеста; она подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ сваты, и, поздоровавшись съ каждымъ изъ нихъ, дѣлаетъ общій поклонъ и говоритъ: «если гоужь, то ваша» (если пѣдвнѣ, мнѣ тѣйдэнтъ); а иногда её подводитъ въ гостию какая-нибудь бойкая старуха-сосѣдка и, кланяясь вмѣстѣ съ ней, говоритъ: «вотъ тутъ вамъ огонь-лащина» (вотъ сѣтъ тѣйле тули-ребуой). Послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій начинается угощеніе; угощаютъ чаемъ, водкой и пражеными пирогами. Чай подаетъ непременно невеста и старается это дѣлать какъ можно граціознѣе и плавнѣе, боясь расплескать чай изъ чашекъ, что въ корелѣ считается признакомъ не хозяйственности.

Отпить чай, и гости садятся ужинать. Блюда на ужинъ подаются самыя обыкновенныя, какія случатся; что сварено или спечено, то и ѣдятъ гости: сварено мясо — и гости хлебуютъ щи съ мясомъ, сварена рыба — и они ѣдятъ уху съ рыбой... Послѣ ужина, когда со стола все уберутъ, на столѣ снова разстилаютъ скатерть, и старшій изъ гостей жениха-отца-ли то, а если нѣтъ его въ живыхъ, то или старшій братъ, или дядя — вынимаютъ изъ кармана деньги и раскладываетъ ихъ по столу, приглашая отца невесты взять изъ нихъ, сколько тотъ захочетъ. Денегъ выкладывается не одиноковое количество, кто сколько можетъ. Если женихъ — человѣкъ богатый, сынъ «состоятельнаго» крестьянина, то на столѣ появляются даже сотенныя бумажки, но такіе случаи очень и очень рѣдки въ исторіи корельскихъ свадебъ. Обыкновенно же ограничиваются 15 или 20 рублями; это количество непременно должно быть выложено, хотя какъ бы ни бѣденъ былъ женихъ: ужъ лучше въ долгъ возметь, а рублей 15—20 выложить. Деньги изъ кармана вынимаются медленно, съ разстановками и съ нѣкоторыми «бахвальствами». Положить родственникъ жениха часть денегъ и говоритъ: «у меня больше нѣтъ, пошлите въ деревню, выпросите въ долгъ», и потомъ снова достаетъ изъ кармана: «нѣтъ, у меня еще есть, не вончались, на втотъ разъ хватить»... Отецъ невесты (или братъ ея, или дядя, если нѣтъ въ живыхъ отца) беретъ деньги, или только часть ихъ и уходитъ со своими ближайшими родственниками въ чуланъ «на думу» (дуумалэ).

Здѣсь и рѣшается вопросъ: выдать ли дѣвицу замужъ или нѣтъ; если вопросъ этотъ большинствомъ голосовъ рѣшенъ положительно, приглашаютъ въ чуланъ невесту и у ней спрашиваютъ — согласна ли выйти замужъ за этого жениха? Согласіе, впрочемъ, рѣдко спрашивается отъ невесты-корелки. Всѣми брачными дѣлами вершатъ родители и старшіе въ семьѣ, «которые больше жили на свѣтѣ и потому больше и лучше все знаютъ». Приглашаютъ также потомъ и жениха; у него спрашиваютъ — на какихъ условіяхъ онъ беретъ невесту? — беретъ ли просто одну невесту или хочетъ приданнаго: лошадь, корову, деньги... Условившись насчетъ приданнаго, тутъ же назначаютъ число шаферовъ (8—10) и шаферинъ (6—8) и выряживаютъ съ жениха по рублю денегъ на человѣка — проводника невесты. Если, напр., со стороны невесты будетъ проводниковъ 9 человѣкъ, которыхъ нужно будетъ одарить, то съ жениха рѣдять 9 рублей...

Сразу послѣ думы — «дууме, луйѣждѣ», невеста наклониваетъ на голову платокъ, наклоняетъ внизъ голову и жалобнымъ голосомъ протяжно причитываетъ сначала предъ иконами, а потомъ предъ родителями и родственниками...

Влагословикать нюю, армаһадъ сѹвдѹй-
жедѣ;

Влагословикать омилэ озайжилэ,—

Туһисъ озисъ турбедимилэ озайжилэ;

Изволикать, иһаладъ сѹндѹйжедѣ,

Влагословите теперь, милые «сѹндѹ»,

Влагословите на свое счастье (на свое
счастіе, жизнь);

Изъ тысячи счастій — на самое обиль-
ное счастье;

Дайте согласіе, чудесное «сѹндѹ»,

Садоуь озмьсь—сагедимилэ...

Ляхтэнь омилэ озайжилэ, орхаддэ сун-
дуйжедь;

Каллэнедь сундуйжедь, лйкутакать ми-
нудь
Кюмменизь озайжизь—кюль озайжилэ...

Плачетъ предъ отцомъ:

Вуота ляхтэнь нюгю эчинъ
Урой-кулдаты армойштанидъ...
Эдъ ный кягеннү, урой-кулдайне-армой-
жени,
Элявиксэ эройтай, кавнижъ-нйо,

Казвиндъ—айгайжилъ...
Виксэ синя кулдайнэ-урой-калнжъ-ар-
нойжени,

Эдъ кягеннү, да эройтидъ нягасъ...
Виксэ онъ синудайжъ

Илмойнъ сувимадъ суладэлту,
Урой-виеказъ-армойжени...
Виксэ онъ синдуйжъ
Вийнуой ведуйжилъ веселдүтэттү
Илмой верземадъ...

Плачетъ предъ матерью:

Онъ ный минуль-кювелимёлъ
Кюмменидэнь кууһуйжидэнь канделий,—
Онъ ный минуль-либужъ-лапсэлъ

Риндайжизъ либуттай-найне,
Либужъ-армойжени...
Вачайжизъ кандай-найне,
Валгей армойжени...
Эдъ ный кягеннү казватусъ—айгайжилъ
Илмой-айгаминъ андада...

Мидя бо нюгю синя рубенидъ
Вачасъ кандай-найне,
Валгей армойжени,
Илмой элятэттүлой эройтаминъ?

Этъ ведъ нн мйтумидъ безчестидъ азуу,

Изъ сотни счастій выбрать самое хорошее
(букв.—густое);

Я начинаю жить самостоятельною жизнью
(букв.—иду на самостоятельное счастье),
могуче «сундү»!

Дорогие «сундү», краньте меня (по-
двиньте меня)

Изъ 10-ти счастій на самое превос-
ходнѣйшее счастье (букв.—самое сытое,
полное сч.).

Подождите, пойду теперь поищу
Золотого, милого, мужественнаго...
Вѣдь не думалъ—мужественный, золотой,
милой,
Живую меня удалить отъ себя, прекрас-
ная радость,

Въ самую пору воспитанія (рощенія).
Вѣрно, ты, хоть и не думалъ,

Золотой, мужественный, дорогой, милый,
Но всё таки отделилъ меня отъ себя на
вѣки...

Вѣрно, тебя
Запекшіеся на воздухѣ умягчили,
Мужественный,—рѣзвый, милый!
Вѣрно, тебя
Винными водами развеселили
Всесвѣтные бродяги...

Есть еще вѣдь у меня—пылкой,—
Десять мѣсяцевъ носившая...
Есть вѣдь у меня,—красиваго ребенка
(букв.—гладеаго реб.).

Воротъ разглажившая женщина,
Красивая, милая;
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая!
Вѣдь не думала ты въ пору рощенія
На всегдашнее время отделить меня
прочь!...

Зачѣмъ же теперь ты стала,
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая,
Меня, постоянно жившую вмѣстѣ, раз-
лучать?

Вѣдь, кажется, я никакого безчестнаго
поступка не сдѣлала?...

А рубейиттэ нимои-айгамиһъ андамаһъ...
Віе ё олнујжигъ нимадъ
Кавнәһидәъ, кергәдәъ көзәйжәдъ
Ошилъ валгәдигъ валдайжилъ...
Олнујжигъ віе ё нүвелиё-лапси

Кулдайжилъ вунивойжилъ...

Міели армойженидъ, тәйдәнъ мійлостійзъ...

Куй бо рубенинәъ минә нюгу

Илмои элаттәимизъ эроннәмаһъ?
Міели-армойженидъ,

Тәйдәнъ армойженизъ эроннәмаһъ?
Віе хотъ пидәнүјжиттә, каввәгәдъ нходъ,

Кавнәһидәнъ луадүјжидәнъ кавнујзъ.
Віе хотъ пидәнүјжиттә,
Иһаладъ армойженидъ,

Кавнәһидәнъ иккунъ піелижизъ...
Хотъ віе пидәнүјжиттә,
Сорәдадъ армойженидъ,
Срочитунъ столанъ пидәнүјжидәнъ кав-
нујжизъ...

А между тѣмъ теперь ты стала
Разлучать меня навсегда...
Я бы еще хотѣла пожить
Въ эти прекрасные, рѣзвые годы
На своей бѣлой волѣ (букв.— на своихъ
бѣлыхъ... plur.):
Я—пылкій ребенокъ, еще хотѣла бы
остаться

При своихъ прежнихъ золотыхъ почес-
тахъ;
Сильно милые, я осталась бы при ва-
шихъ милостяхъ...

Какже я теперь буду
Разлучаться съ тѣми, съ кѣмъ жила
постоянно?

Очень милые,
Какъ же я буду огъ вашихъ ласкъ
отставать?...

Хотъ еще оставили бы меня,
Препранные радостные,
Въ прекрасно сдѣланномъ помѣщеніи
(въ избѣ)...

Хотъ еще оставили бы меня,
Радостные милые,
У прекрасныхъ оконныхъ липинъ,...
Стройные милые,
Еще поддерживали бы меня
Въ избѣ за украшенными столами...

Плачетъ предъ братомъ:

Онъ һай минулайни
Уксенъ вачайжизъ вуалитту,
Валгей саккали, вуалійжени лапси;
Кавнижъ нһо, кандойни кандәтту...

Мидә бо синә кюлиндъ армойженидъ

Эдъ кіәлдәнү,
Нәмидәнъ кавпайжидәнъ азудәсъ?...
Минә сивуһъ пидинъ суврәдъ недәжәдъ,

А синә кюлиндъ армойженидъ
Эдъ кіәлдәнү,
Паштайсъ пайвайжизъ пуоләтту,
Пайвинъ оттайжени лапси!
Куй бо минә рубенинәъ,
Айгабойжени лапси,

Тәйдәнъ артелійжизъ эродәлемаһъ?

Эдъ синә минулайни

Есть вѣдь еще у меня
Въ одномъ брѣхъ скатанный,
Бѣлый попрыгунъ, скатанное дитя,
Прекрасный, веселый, чрезъ ношенье при-
несенный...

Почему же ты очень милыхъ не отсовѣ-
товагъ

Заключать эту торговую сдѣлку?
Я на тебя возлагала большія надежды...
А ты, между тѣмъ, сильно-милыхъ не
отсовѣтовагъ...

Отъ яркаго солнышка убавленное,
Солнцу подобное дитя,
Я въ недоумѣніи,
Я не знаю—какъ буду
Отъ вашихъ артелей отлучаться...
Ты на меня ни разу дурными словами
не прикрикнулъ
Но держалъ только, прекрасный, радост-
ный,

Чрезъ ношенье принесенный,

Ни винойль санайжилъ врикану...
Вай ё пидидь, кавнижъ ино,

Кандуойни кандетту,
Кавиёндёнъ гуадуйжидёнъ кавнуйжизъ...
Эдъ һай ни мйтумиъ руадуйжиъ ру-
ачину,
Веселъ кала, верзояжени лапси...
Вай ё пидидь,—кавиёнило руадуйжило
мандудъ,

Веселъ ведуйжидёнъ туоявъ
Кавиёндёнъ калайжидёнъ кейтайяъ...
Вай ё пидидь, сорейжени лапси,
Сойтаину да паятёттаину...
Вие һай, кавнижъ ино,
Кавиёнилъ собайжилъ кавинштёлъ
Кавиёнило илмайжилъ кявудёсъ...
Куй бо нюю минъ рубеданъ,
Аткалайне лапси,
Тейдёнъ артелйжизъ эронеммаъ?...
Тубиёйни лапси, суврадъ спассибодъ
Улонъ һувилъ обучайжилъ
Кавиёндёнъ кавиндойнъ айгайжилъ...
Куй бо нюю рубежидъ
Илмой элатёттулой эройтаммаъ?...
Вие ё олнуйжизъ, вуалйяжени лапси,
Омилъ валгедилъ валдайжилъ...
Падерйине лапси,—

Пайвайжидёнъ валгедумилъ валдайжилъ
Намядъ кавиёнедъ кезайжедъ...

Плачетъ предъ сестрой:

Онъ һай минулайнилъ
Ўксисъ вачайжизъ вуалитту,
Вуалйяжени лапси,
Озайжидёнъ опинудъ!
Кюзелтиъ го синудъ кўладъ армой-
женидъ.
Намидёнъ кавпайжидёнъ азудёсъ?...

Синй оладъ азётанну илмой айгамидъ...

Мйтумадъ вие эхви олдаъ

Илмойиъ миелидёнъ оттаמידёнъ мйлоstadtъ?
Онъ го айго армойженидёнъ армодъ

Илмой айгамизъ?...
Онъ го илмойиъ миелидёнъ оттамизъ

Мели-армойженидёнъ мйлоstadtъ?

Въ прекрасно выстроенномъ помѣщеніи...
Вѣдь ни на какія работы ты не при-
нуждалъ меня,

Весёлая рыба, рослое дитя!
Только, идя на чистую работу,
Ты вставлялъ меня приносить воду
(для питья)

И варить прекрасную рыбу...
Только и дѣла было мнѣ у тебя, строй-
ное дитя,

Что я пѣла и играла...
Вѣдь еще, прекрасная радость,
Украшала ты меня красивыми одеждами,
Когда я выбѣгала на ясный свѣтъ...
Какъ же я теперь буду—
Печальное дитя (называетъ себя),
Отъ вашихъ артелей отлучаться?...
Знойное (букв.—жужное дитя)
Большое спасибо
За твои добрыя наставленія,
Которыя ты давала мнѣ
Въ пору моего прекраснаго воспитанія...
Какъ же теперь ты стала
Постоянно жившую вмѣстѣ разлучать?...
Еще я была бы, скатанное дитя,
На своей бѣлой волюшкѣ...
Несчастное я дитя!
Еще я была бы въ эти прекрасные
годы
На своей бѣлой, какъ день, волюшкѣ...

Есть вѣдь у меня
Во одномъ брюхѣ скатанное,
Свалянное дитя,
Только что отвѣдавшая счастья!...
Совѣтывались ли съ тобою милые роди-
тели (букв.—до сыта милые...)
Когда начинали производить эту тор-
говлю?...
Ты уже успѣла услуживать тѣмъ, кото-
рые постоянно на міру (разум.—сваты)...
Какія еще милости у отбирающихъ все-
свѣтныя мысли (т. е. у сватовъ)?...
Есть-ли у отбирающихъ всесвѣтныя мысли
Такія-же милости, какъ у очень милыхъ
родителей?...
Есть-ли у запекшихся на воздухѣ
Такія-же ласки, какъ у ласковыхъ ми-
лыхъ?
Есть-ли у носящихся по свѣту

Онъ го нимоу-сувинизъ

Такія-же помѣщенія, какъ у дорогихъ,
нилыхъ?...

Сулидѣнъ армоужидѣнъ суладъ?...

Онъ го нимоуиъ кандаминъ

Каллаидѣнъ армоужидѣнъ канудъ?...

Плачетъ предъ крестной матерью:

Онъ гай минулъ

Ристой ведуйжизъ либуттай-найне,

Либужай армоужени...

Вайой ведуйжизъ валгайдѣлій,

Валгедъ армоужени...

Кудайжизъ кунелійжизъ кубластателій,

Кудайиз армоужени...

Кюэуттинъ го вуладъ армоуженидъ си-
нудайжъ,

Наиндѣнъ канвайжидѣнъ азудѣсъ?...

Каллаинсъ ведуйжизъ валгайдѣлій найне,

Валгой армоужени,

Отттинъ го каллаидѣдъ армоуженидъ

Уксинъ дуумайжизъ,

Наиндѣнъ игайжидѣнъ канвайжидѣнъ азудѣсъ?...

Есть вѣдь еще у меня

Обливанная въ крещальныхъ водахъ

Женщина, гладкая, нилая!

Въ восковыхъ водахъ выбѣлившая,

Бѣлая нилая...

Въ золотой купели погружавшая,

Золотая нилая...

Советовались ли съ тобою золотые нилые
(родители),

Когда начинали эту торговлю?...

Въ дорогихъ водахъ выбѣлившая жен-
щина,

Бѣлая нилая!

Пригласили ли тебя дорогие, нилые

На одинъ съ ними советъ,

Когда задумали эту торговлю, нилую
значение на всю мою жизнь?..

Затѣмъ сватамъ невестина сторона дарить—кому рубаху, кому платокъ, и гости снито угощенные и одаренные подарками увѣщаютъ во свояси.

Въ томъ же случаѣ, когда невесты не хотятъ выдать замужъ, или не согласятся съ условіями, предложенными женихомъ, отецъ невесты деньги, взятые со стола, отдаетъ обратно и свадебныхъ гостей не даритъ. И какъ только сваты уйдутъ, невеста бѣжитъ къ костру дровъ, беретъ отсюда три полѣна неколотыхъ, круглыхъ, несѣтъ ихъ въ избу, въ большой уголъ и, не наклоняясь, бросаетъ на полъ изъ всей силы; это дѣлается для того, чтобы скорѣе приходили другіе сваты.

На другой день (если свадьба состоится) родственники невесты (отецъ, братья, зятья, сестры, крестный отецъ и мать невесты) идутъ въ гости въ домъ жениха—осматривать его хозяйство (ведидъ ваччональ). Здѣсь они угощаются—пьютъ чай, водку, ѣдятъ прижонне пироги и назначаютъ день вѣнчанія. Въ богатыхъ домахъ, когда женихъ и невеста люди «зажиточные», день этотъ (день вѣнчанія) отлагается на пѣлуу неждѣл въпередъ, и во всѣ эти дни, до самаго дня вѣнчанія, задаются взаимными угощеніями: то въ домъ невесты, то въ домъ жениха. Кромѣ дневныхъ угощеній, въ домъ невесты ежедневно вечеромъ устраиваются «бесѣды» (букву «ѣ» нужно читать, какъ ѣ), на которыя приходятъ или прѣзжаетъ женихъ и танцуетъ съ своей невестой (кстати упомяну о танцахъ на корельской бесѣдѣ—лянсье, кадрилъ и «совдино» или «чочу»). Днемъ невеста не принимаетъ никакого участія въ угощеніи гостей. Она въ это время, одѣтая въ самое простенькое платье, съ распущенными волосами, съ низко опущеннымъ на глаза платкомъ, подходитъ вѣдѣсъ съ старухой плакальщицей къ каждому изъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и плачетъ предъ ними подъ слова причитаній.

Наступаетъ потомъ и самый день вѣнчанія. Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу невеста въ сопровожденіи дѣвушекъ, своихъ подругъ, отправляется въ баню. Подруги-дѣвушки въ баню не заходятъ, а, сидя въ банныхъ сѣняхъ (предбанникѣ), поютъ пѣсни. Пѣсенъ, исключительно только на этотъ случай существующихъ, въ корелѣ нѣтъ.

Поются тѣ самыя пѣсни, которыя обыкновенно распѣваются за танцами на бесѣдахъ. Дѣвушкамъ—или женихъ, или который-нибудь изъ это шаферовъ приносятъ сюда крендели, конфеты, а иногда и водку и всѣмъ этимъ угощаютъ ихъ; хотя, нужно замѣтить, что въ корельскомъ краѣ рѣдкая изъ женщинъ пьетъ вино.—Невѣста тѣмъ временемъ умывается въ банѣ. Къ ней приглашается сюда старуха—знахарка; эта послѣдняя натираетъ тѣло невѣсты солью съ словами наговора: «какъ эта соль около меня ходить, такъ пусть такой-то (имя) будетъ около меня—во всѣ дни, мѣсяцы и во всю здѣшнюю жизнь. Какъ ночь на моемъ тѣлѣ сохнетъ, такъ пусть и душа его (имя) по мнѣ сохнетъ». (Куй нѣмнѣ суоладъ кявютанъ минусъ умбярн, муга анда Пекко минусъ умбярн, куни жуудъ, куни пайдъ, сиксъ илимантъ нгядъ. Куй минуиъ лиги либянъ куйвавъ, муга нѣнѣнъ лѣнги минуиъ куйваганъ). Соль эта потомъ не бросается, но бережно приносится изъ бани домой и подмывается въ тѣсто, изъ котораго во время свадьбы пекутъ пироги исключительно только для жениха. По смыслу самаго наговора, цѣль этихъ колдовствъ—привязать жениха къ невѣстѣ, какъ можно болѣе тѣсными узами любви, нерасторжимыми до самой смерти...

Выйдя изъ бани въ предбанникъ (кюлютъ сентчуйотъ), невѣста причитаетъ вредъ дѣвушкамъ, своимъ подружкамъ:

Суврэдъ спассибодъ, кавнѣнедъ нходъ,
Ку уленъ нувядъ кюлю-портійжедъ,

Илиной-вуалининъ ляхтѣдѣтъ, ляминиттѣ...

Уленъ весселадъ кюлю-портійжедъ нѣянъ
одлинъ...

Кай оянтѣ мѣннжидъ-мюѳи
Ляинидъ водудъ азуну...
Спасибо, нѣвоиѣжени ласѣдъ,
Ку нменѣйжидъ этте пиделу...

Віе кулкатъ, кудвѣйженидъ ласѣдъ,
Віе нѣмнѣ лопнумайжедъ кіерайжедъ:
Проводикатъ уленъ суврѣтъ рудѣстй-
жизъ

Ускаланъ армуѣженинъ ууличайжилъ...
Вутѣтъ нѣ-поптуайнѣ ланси пойкедѣлѣ-
мозъ

Суланъ армуѣженинъ суврѣтъ чупуйжизъ,
Саджанъ армуѣженинъ салмайжизъ...
Эндѣ одлинъ суланъ армуѣженинъ
Суврѣтъ чупуйжизъ нѣвижедъ кайвиуѣ-
жедъ...

Куддайжелъ армуѣженинъ мугомадъодлинъ
суврѣтъ рудѣстидъ.!

Нюгѣ онъ, пѣсѣ-армуѣжени,

Суврѣтъ чупуъ суврѣтъ печалайжизъ...

Вѣказъ армуѣжени, рубѣжи вѣннамъ во-
дуйжизъ вахтѣленанъ.

Большое спасибо, прекрасныя радости,
Что очень хорошую баню (букъ.—банныя
нѣбы)

Стояли на уходѣ къ всесвѣтнимъ бродягамъ...

Очень веселая была эта баня...

Даже по уму мнѣ
Приготовили вы теплую воду...
Спасибо вамъ, потныя дѣти,
Что вы по отхоженію ко мнѣ не измѣни-
лись...

Еще послушайте, — дѣти,
Послушайте меня въ послѣдній разъ:
Проводите меня съ большимъ весельемъ

По улицѣ надежнаго, дорогаго.
Дайте-ка я еще—перегорѣвшее дѣти, пе-
перекъ изломаюсь

Въ углахъ сто разъ дорогаго...
Прежде были у ласковаго, милаго
Въ большихъ углахъ медовыя колоды,—
Такія были большія удовольствія у золо-
таго милаго...

А теперь я, мятая-милая,

Сию въ большомъ углу въ великой не-
чѣстѣ...

Онъ, лукавый, дорогой, сталъ нѣнять
меня на минныя воды..

За невѣстой—взять её къ вѣнну—прѣзжаетъ женихъ со своими родственниками
человѣкъ 10—20.

Еще издали по дорогѣ—внимательные родственники новѣсты замѣчаютъ поѣздъ жениха съ поѣзжанами и даютъ знать объ этомъ новѣстѣ. . И послѣдняя начинаетъ причитывать предъ родителями:

Каччогоадъ нюгю каксиденъ пуолужодъ,

Каллаһедъ армойженидъ!

Уленъ сувредъ туучадъ ностаһъ

Похъайжизъ пуолужизъ-пй,

Равдайжиденъ рагеһуйжиденъ керй:

Илмой-оттамадъ туладаһъ,

Оружой олгайжедъ,

Минунъ валгедиденъ валдайжиденъ отой-
мйадъ,

Минунъ кулдайжиденъ кунинвуоденъ ку-
луттадъ...

Вастадәлә, урой-валгей-армойжени,

Ўленъ сувредъ агъяттомадъ

Артелвдъ туладаһъ...

Кулдайнә армойжени,

Азәттәлә кузникъ недәликъс кулгемаһъ;

Азәттәлә, орхей-армойжени,

Осроганъ сәйнәйжедъ

Омилә озрә-муаһуйжилә:

Анда кузедәдъ недәлидъ кулгедаһъ...

Куй әй войтайжъ илмой айгамодъ

Ни пйяичи носта, ни алачи тулда...

Азәттәлә, луадо мйели-армойжени,

Луадо-луадожскойдъ ламбийжейдъ;

Панә, мйели-армойжени,

Меренъ парәһадъ каладъ кйиммйаһъ...

Анда илмой-кувамадъ

Кузвъ недәлидъ нйидъ качотаһъ,

Әхки оләнъ мийи надъ айгайжедъ

Омилъ валгедилъ валдайжилъ...

әлә, урой-иһалъ-армойжени,

Изменәйжидъ пидә...

Сваты изъ сарая идутъ въ нәбу:

Качә, кулдайнә-армойжени,

Кувнанъ поһъастъ

Кулдйәһъ-ведуйжизъ ә и вәхтидъ

Минунъ валгедадъ валдайжедъ!...

Каллижъ армойжени,

Каргедиһъ везиһъ ә и вәхтидъ...

Посмотрите теперь двухполовинчатые (т. е. родители),

Дорогіе нйяме!

Очень большія облака поднимаются

Съ сѣверной стороны,

Тучи—съ желѣзнымъ градомъ...

Идутъ всесвѣтныя грабители

Съ ружьями на плечахъ,

Похитители моей бѣлой воли,

Уничтожающіе (букв. — издерживающіе)
мой золотые царскіе годы...

Встрѣчай мужественный, бѣлый, милый;

Очень большія, безконечныя

Артели идутъ...

Золотой, милый!

Останови ихъ на шесть недѣль:

Пусть они понапрасну около ѣздятъ...

Сдѣлай, мощный милый,

На своихъ ячменныхъ поляхъ

Стѣны острожныя:

Пусть они ѣздятъ шесть недѣль взадъ и
впередъ:

Пусть постоянныя бродяги

Ни черезъ не могутъ перелѣзть,

Ни снизу пропихаться...

Сдѣлай, очень милый,

Красивыя Ладожскія озера

И спусти въ нихъ играть

Лучшія морскія рыбы,

Пусть свѣтъ (міръ) измѣряющіе

Любуются ими въ продолженіи шести не-
дѣль;

Хоть я то время буду жить

На своей бѣлой волѣ...

Смотри, мужественный, радостный, милый,

Не сдѣлай мнѣ нямъны...

Вотъ, золотой милый,

Ты и прои́нялъ меня на золотую воду

На днѣ сосуда...

Вотъ и прои́нялъ, дорогой-милый,

Мою бѣлую волю

На горькія воды...

Какъ только женихъ съ гостями въѣдетъ въ сарай, сюда къ нему выходятъ двѣ родственницы новѣсты и выносятъ—одна кисель и молоко, а другая матерію для «чепчиковъ» (повойниковъ, по корельски—чепче).

Первая, которая выносить молоко и кисель, подходит къ каждой изъ шаферинъ—со стороны жениха—и предлагаетъ отвѣдать киселя съ молокомъ: «сватья, говорить она, обращаясь къ которой-нибудь изъ нихъ, отвѣдай, пожалуйста, киселя съ колокомъ, отвѣдай: такую дальнюю дорогу ѣхала, слѣдуетъ я подкѣпиться». Но «сватья» упорно отказывается отъ предлагаемаго угощенія и получаетъ изъ рукъ другой женщины—родственницы невесты на чепчикъ. Точно также угощаетъ и другую и третью, и т. д. всѣхъ шаферинъ, предлагая каждой кисель и молоко, но ни одна изъ нихъ не беретъ ни ложки, напередъ зная, что—сдѣлавъ она это, то потеряетъ другой болѣе цѣнный подарокъ—чепчикъ. Когда шаферины получаютъ по чепчику, всѣ гости, вмѣстѣ съ женихомъ, отправляются въ набѣ. Невѣста же, стоя у дверной липины, (косяка) ждетъ, когда войдетъ женихъ, и какъ только послѣдній переступитъ черезъ порогъ, она бросается на него и, что есть силы, старается нѣсколько разъ повернуть его. Цѣль этого дѣйствія—сдѣлать изъ жениха послушнаго мужа, которымъ бы и въ жизни, можно было повертывать также легко, какъ и теперь...

Иные женихи позволяютъ невестѣ повернуть себя, а иные же нѣтъ, и, не смотря на всѣ усилія ея, стоятъ крѣпко на ногахъ и чувствительными толчками отталкиваютъ её отъ себя. Свадебныхъ гостей жениха ждетъ въ набѣ цѣлый хоръ дѣвушекъ, которыя сидя за столомъ поютъ пѣсни; пѣсни опять поются обычные, какія употребляются на бесѣдахъ (на русскомъ языкѣ); особенныхъ свадебныхъ пѣсень у кореляковъ нѣтъ. Женихъ приноситъ поющимъ дѣвушкамъ крендели, конфеты и пряники и кладетъ ихъ на столъ. Невѣста беретъ узелокъ съ гостинцами и раздастъ ихъ подругамъ. Послѣ этого дѣвушки уходятъ вонъ изъ-за стола, и на мѣсто ихъ садятся женихъ со своими повзжанами. Гостямъ приносится угощеніе: чай, водка и пряженые пироги. Послѣ же угощенія разстилаютъ на столѣ снова скатерть и приносятъ большой ржаной хлѣбъ, кладутъ на него икону и на столъ ставятъ солонку. Свадебные гости, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невесты поднимаются изъ-за стола, становятся предъ иконою, висающей въ углу на стѣнѣ, и начинаютъ молиться. Предъ иконою зажигается восковая свѣча или лампада. Невѣста становится рядомъ съ женихомъ, и оба кланяются одновременно три раза досамоу земли. Потомъ отецъ невесты берётъ со стола хлѣбъ и икону и возлагаетъ на головы жениха и невесты по очереди до трехъ разъ. Это же самое продѣлываютъ и другіе родственники невесты.—Еще до благословенія одинъ изъ шаферовъ жениховой стороны бьетъ кутовищемъ (ручкой кнута) по полкѣ на лицевой сторонѣ дома и говоритъ: «эта сторона паша» (тѣмъ чурѣ мейдѣнъ), а, указывая на сторону къ дверямъ, говоритъ—«та сторона ваша» (сѣ чурѣ тѣйдѣнъ).—Послѣ благословенія происходитъ взаимное «поздравленіе» молодыхъ (тэрвѣнтүсь). Женихъ и невеста цѣлуютъ другъ друга, и невеста привязываетъ на шею жениху шелковый платокъ. Весь этотъ процессъ моленія предъ иконою и благословенія хлѣбомъ—кореляки называютъ «рукобѣишъ» (кядѣнъ ишкү), хотя въ теперешнее время ничего похожаго на рукобѣіе въ буквальномъ смыслѣ нѣтъ. Послѣ «рукобѣіа» невеста съ плакальщицей плачетъ предъ отцомъ, матерью, братьями и сестрами и жалуется, что они поступаютъ съ ней жестоко, немилосердно, отдавая въ неволю чужому человеку.

Найдъ мйтумадъ, минунъ арнойжени,

Изменѣдъ пидидъ!..

Мйтумадъ шурмудъ ласкидъ

Сулидѣнъ арнойжидѣнъ

Суврихъ чушулоиъ

Вуота, кўлветгѣйяжени лапси,

Кюзалѣнъ синуллайжъ:

Мидъ нѣмий олдаъ

Кавпайжедъ синуллайжъ?

Вай олдаъ, субіейни лапси.

Вотъ вѣдъ какую измѣну,

Какой обманъ

Допустилъ ты, мой милый,

Въ большихъ углахъ

Очень любезныхъ (т. е. родителей)?...

Подожди,—пылкое дитя,

Я спрошу у тебя:

Что это за торговля дѣла у тебя?

Или ты, пламенное дитя,

Продаешь лошадь (букв.—Это узды продажа)?...

Суйчи кійанъ навпайжедъ?..
Вуота нюгю, туониво ланс,
Тоймиттелемось..
Оннако ё, каллижъ нһо,
Кандойни кандётту,

Минунъ-варгіяйженъ кавпа-підъ олдаһъ..
Оннако ё, вуаліянэ ланси,

Валгедиденъ валдайжиденъ кавпадъ ол-
даһъ

Энъ дё сміеттину, нһало-сіеменъ,
Нямидъ изменайжидъ..
Найдъ, луадіяйжени ланси,
Ласкидъ шурмулъ нэнгомадъ,

Кудамидъ кайкижъ каввиндо-айгайжизъ
Ни кіерадъ энъ аятэлуну...

Вуота эхки валдойндэлемось
Омилъ валгедилъ валдайжилъ
Ковнэһисъ луадую жизъ,

Куни олэнъ пиввайһнужиденъ-валгедумилъ
валдайжилъ...

Оннако ё отоймитаһъ
Валгададъ валдайжедъ..
Вуота эхки куннивойчемоъ,
Куни олэнъ кунни вуодэнъ валдайжилъ,
Кулдайжизъ луадужизъ,
Тундожиденъ армойжиденъ
Туһиденъ паранисъ луадужизъ...

Въ это же время,—во время причитаній происходитъ раздача подарковъ жениховой роднѣ: родному отцу и отцу крестному дють обыкновенно ситцу на рубашку; родной матери и крестной—по сорочкѣ, шаферамъ—по 5 аршинъ холста и одинъ или два ситцевыхъ платка, въ богатыхъ же домахъ, вмѣсто холста, даютъ кумачъ—аршина 4 или 5; шаферинамъ (сааннайнэ) по сорочкѣ и чепчику каждой. Шафера перевязываютъ свои подарки чрезъ плечо (на манеръ, какъ иногда дѣлають діаконы съ ораремъ) и носятъ ихъ во все время свадьбы.

Невѣста, наплакавшись предъ всѣми своими родственниками, подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ гости жениха и, причитывая, просить гостей одарить её подарками. Женихъ и его родственники даютъ ей деньги, кто сколько можетъ: кто три, кто пять копейекъ, а кто и больше. Потомъ невѣста снова подходитъ къ своимъ родителямъ, которые на этотъ разъ садятся рядомъ на одну скамейку, и, причитывая, просить у нихъ теплой одежды—шубы, шубное одѣяло (катухке), просить—корову и овцу.

Иштугатоксэһъ вай, нһаладъ армойжедъ..
Вуота минъ нямидъ лопудъ кіерайжедъ
Пакиченъ каллэһилъ армойженилъ
Кавсиденъ кіераллижесъ..
Андагадъ, пядэрядъ армойженидъ.

Подожди теперь tuonivo дита,—
Подожди я приду въ себя..
Кажется, дорогая радость,
Чрезъ ношенъе принесенный,—
Кажется, моей горькой головы продажа
происходить...

Сматанное дита!
Кажется, продажа моей бѣлой воли про-
исходить...

Ужъ не ожидала я совсѣмъ, радостное
сѣмя,

Такой измѣны..
Видишь, прекрасное дита,
Какой обманъ ты допустилъ,
Котораго ни разу, во всю мою жизнь съ
тобою,

Я и не представляла..
Подожди, хоть еще понѣжусь (букв.—но-
вольничая)

На своей бѣлой волѣ
Въ прекрасныхъ строеніяхъ,—
Понѣжусь,—пока я еще на своей волѣ,
бѣлой, какъ день...

Кажется, отоймутъ бѣлую волю...

А поэтому подожди,—хоть пороскошничая,
Пока я на своей роскошной волѣ,—
Пока я въ золотыхъ помѣщеніяхъ
Знакомыхъ-милыхъ (т. е. родителей),
Въ строеніяхъ, изъ тысячи лучшихъ...

Присядьте-ка, радостные милые..
Подождите—я въ эти послѣдніе разы
 Попрошу у васъ, дорогихъ-милыхъ,
 Дважды-перевѣнную одежду..
 Дайте, печальные милые.

Илмойнъ пайвиднѣнъ оттаминъ ляхтадѣсь,
Пайвиля вастаѣнъ собадъ паштадъ...
Андагадъ, верзодъ армойженидъ,
Восилѣ вастаѣнъ ляхкодъ собайжедъ,
Кавиѣнедъ армойжедъ,
Андагадъ кавнуйжедъ пинъюжилѣ...
Андагадъ, ляммадъ армойженидъ,

Ляммизъ ваттѣгизъ собайжедъ...
Эй ку панда илмойнъ-оттадъ
Понъяйжилѣ пуолуйжилѣ...
Андагадъ, каллѣнедъ армойженидъ,
Дялтайжидѣнъ кавнуйжедъ...

Андагадъ, кулдайжедъ армойженидъ,
Кулда... нлѣ кумойжилѣ кулгидъ...
Садожадъ армойженидъ,
Андагатѣ сарви-пинъюнедъ
Илмойнъ савиштѣттуѣнъ ляхтадѣсь...

Кергедадъ армойженидъ.
Андагадъ келленъ кандаядъ...
Кай андагадъ, кўлл армойженидъ,

Кўлляжедъ приданнуойтъ...
Эй ку родиѣ илмой кувамизъ

Кувзъ недѣлййжидъ кувлойтуксидъ?...

Эй ку родиѣ илмой пайвинъ оттаминъ

Пайвилялжидъ пайветуѣксидъ?...
Пассибо кайкизъ, кавсидѣнъ пуолнжодъ,
Каллѣнедъ армойженидъ!...
Опшгадъ ё вѣ, валгедадъ армойже-
нидъ,

Куни олѣнъ тѣйдѣнъ валгедилъ ваддай-
жилъ

Минулъ-лейнялъ лапсалъ
Лендѣадъ лѣменѣйжедъ...

Кўлмянъ пинъюйжидѣнъ кучермуйжедъ,
Куни олѣнъ тѣйдѣнъ полвидѣнъ пинъюй-
жилъ,

Параѣадъ армойжедъ!
Пандаѣнъ минунъ лендѣадъ лѣменѣгедъ

Кувзилѣ кучермуйжилѣ
И пайвилялжидѣнъ пайветтумяттѣмилѣ сѣя-
хуйжилѣ...

Суврадъ спассибодъ, суладъ армойженидъ,
Каку кайкѣлъ приданнуойлъ
Кюлититтѣ...

Мнѣ, уходящей къ всесвѣтнымъ бродягамъ,
На солнцѣ сверкающую одежду,
Отражающую въ плещущей водѣ...
Дайте украшения на голову;
Дайте, ласковые милые,
Изъ теплаго сукна одежду:
Чтобы да не поставили меня всесвѣтные
грабители

На сѣверную сторону...
Дайте, дорогіе милые,
На ноги украшеніе;
Дайте, золотые милые,
По золотымъ дорожкамъ скользящіе (ра-
зум. — сапоги)...

Щедрые-милые,
Дайте рогатые головы (корову)
Мнѣ, уходящей къ всесвѣтнымъ нищимъ...
Ясные милые,
Дайте также носящія колокола (что-н.
изъ скота)...

Все дайте, довольные милые, —
Все богатое приданное...
Что-бы иначе — не было отъ всесвѣтныхъ
бродягъ

Шести недѣльныхъ попрековъ,
Что-бы не было у меня предъ всесвѣтн.
грабителями

На лицѣ солнечнаго загара (не было
стыда)...

Спасибо за все, двухъ-половинчатые (т. е.
родители);

Спасибо вамъ, дорогіе милые!...
Пощупайте еще, бѣлые-милые,
Пока я на вашихъ бѣлыхъ воляхъ,
Пощупайте — у меня, лыянаго ребенка,

Мой развѣвующійся лѣнъ (волосы),

Кудри-холодной головы,
Пощупайте, пока я еще на вашихъ колѣ-
няхъ,

Лучшіе милые.
Положатъ мой развѣвующійся лѣнъ

На шесть кудерокъ (косъ)
И въ такія мѣста, куда не проникнетъ
солнечный загаръ...

Большое спасибо вамъ, мои милые,
За то, что всякими подарками меня награ-
дили (букв. — насытили)...

Послѣ окончанія этихъ причитаній, на плечи ей накидываютъ шубное одѣяло (ка-тушко) мѣхомъ вверхъ и уводятъ въ чуланъ. Здѣсь начинается одѣванье невесты къ вѣнцу. На полу чулана разстилается выдѣланная овечья шкура, а если въ домѣ ея нѣтъ, то и шуба, мѣхомъ вверхъ, и подъ ноги невесты, подъ шкуру кладутъ топоръ и пилу: это для богатой жизни. Невѣсту раздѣваютъ до ноги, и въ чуланъ къ ней приводятъ жениха. Женихъ долженъ взять голую невесту и посадить её къ себѣ на колѣни. Поддержавъ такъ нѣсколько времени на колѣняхъ, онъ молча уходитъ вонъ и опять возвращается въ избу къ гостямъ. Значенія этого дѣйствія нѣ никакъ не удалось узнать. (Думаю, что все это продѣлывается съ цѣлью возбудить въ женихѣ страстное чувство къ не-вѣстѣ, что между корелами отождествляется съ любовью). Потомъ, братъ не-вѣсты одѣваетъ сестрѣ чулки и подъ пятки въ сапоги кладетъ по двугривенной монетѣ,— для мытья будущихъ дѣтей, для чистоты ихъ; а иные же берутъ 3 зерна житныхъ (яч-монныхъ), 3 коноплянныхъ, 3 небольшихъ камешка, и все это, связавъ въ одинъ узелокъ, кладутъ подъ лѣвую пяту; относительно послѣдняго обряда даютъ, обыкновенно, такое объясненіе: «чтобы свадьба не разстроилась со стороны родственниковъ жениха, напр. со стороны его отца, дяди, которые во время свадьбы, постоянно угощаясь водкой, бывають очень капризны; вотъ для этого-то невеста и кладетъ подъ лѣвую пяту узелокъ съ зернами ячменя и конопля и съ тремя камешками; это средство очень годится...»

Одѣвъ чистую сорочку, невеста умывается; къ ней снова въ чуланъ приглашаются женихъ. Послѣдній также долженъ умыться въ той водѣ, въ которой до него умывалась невеста. «Иные женихи», замѣтила при этомъ моя рассказчица, «которые женятся по своей волѣ, по любви,—охотно бѣгутъ въ чуланъ, а иныхъ едва-едва уговоришь идти,— не идутъ-да и всё тутъ». Подъ платье, въ пазуху невеста кладетъ или кусочекъ мыла, или же копѣйку и это выбрасываетъ въ церкви во время вѣнчанія. Зачѣмъ это? «А чтобы избавиться отъ чирьевъ» (вередовъ), которые будто-бы всегда въ необиліи появляются на тѣлѣ у невесты, при взглядѣ ея на сучки церковныхъ стѣнъ. Отъ хлѣба, которымъ мать и отецъ благословятъ невесту, она также отрѣзываетъ крошечку и кладетъ ее между грудей, у вѣнца стоитъ съ нею и съ нею же ѣдетъ въ домъ жениха, гдѣ нѣсть по не-много, чтобы не скучать, не тосковать по родительскому домѣ. Нѣкоторые же невесты по-лагають въ пазуху еще крошечку хлѣба и, послѣ вѣнчанія, бережно сохраняють её въ сундукѣ,—для родовъ будто бы очень годится; сохраняють также ту скатерть, въ кото-рую былъ завернутъ благословенный хлѣбъ; ею покрываютъ дѣтей во время припадка родимца...

Наконецъ, одѣтая невеста приходитъ изъ чулана въ избу. При входѣ въ избу ее встрѣчаютъ ея же родственники съ ухватами, помалами и кочергами въ рукахъ и не по-зволяютъ ей пройти къ столу, къ жениху... И только вода жениха обесоруживаетъ ихъ... Когда невеста подойдетъ къ столу, женихъ поднимается со скамьи, беретъ её за руку и и трижды повертываетъ предъ столомъ; цѣль таже, что и у невесты при продѣлываніи этого же дѣйствія—имѣть послушную жену. Затѣмъ садятся рядомъ на минутку другую за столъ—и начинаются сборы къ вѣнцу: гости одѣвають шубы и шапки, опоясываются кушаками, садятся въ сани и ѣдутъ въ церковь. Весь путь отъ дома невесты къ церкви и отъ церкви къ дому жениха обставляется по окраинамъ соломенными снопами. Снопы эти приносятся крестьянами—сосѣдами и ими же зажигаются во время слѣдованія же-ниха и невесты въ церковь, а потомъ и изъ церкви. Испуганные кони, осыпавшие цѣлыми тучами огненныхъ искръ, бросаются изъ стороны въ сторону, поднимаются на дыбы, ржутъ необыкновеннымъ образомъ, забрасываютъ заднія ноги въ сани къ сѣдокамъ... И за все это доставляемое удовольствіе крестьяне, зажегшіе солому, получаютъ на водку отъ жениха или отъ его шаферовъ. Ребятишки также не отстаютъ отъ своихъ родителей въ умѣнь получить «свадебнаго»; они строятъ на пути огорода, которую снимають только за деньги; или же—протягивають чрезъ дорогу нитку, натертую недѣвственнымъ са-ломъ, чего лошади также очень и очень боятся. При входѣ въ церковь одна изъ родствен-ницъ невесты поднимаетъ у послѣдней подола, остерегаясь, чтобы они не коснулись пола и порога церковнаго,—и это съ тою же цѣлю, зачѣмъ полагается въ пазуху копѣйка

или кусочек мыла, т. е. чтобы у невесты не было чирьевъ. Въ церкви женихъ и невеста стоятъ, наступивъ ногой (женихъ лѣвой, а невеста правой) на платокъ или кусочекъ холста. Заминаятъ при этомъ—кто первый наступитъ ногой на холстъ? Наступившій первымъ—будетъ господиномъ въ домѣ, старшимъ въ семьѣ... Въначальные свѣчкины сохраняются, а иные же лоняютъ надъ головами обвѣнчанныхъ (кто-нибудь изъ родственниковъ жениха). Обращаютъ также вниманіе на величину свѣчей: чья свѣча длиннѣе, тотъ долѣе проживетъ...

По выходѣ изъ церкви, невеста не должна первая заговорить съ женихомъ, пока тотъ не заговоритъ раньше; дѣлается это для того, чтобы имѣть власть надъ мужемъ. Жениха и невесту, возвращающихся отъ вѣнца, встрѣчаетъ мать жениха, одѣтая въ шубу мѣхомъ вверхъ. Она осыпаетъ молодыхъ зѣрнами ячменя и пухомъ (чтобы молодые жили богато). Потомъ, отецъ жениха и мать невесты (въ прежнемъ же нарядѣ) благословляютъ ихъ.

Погребальные обряды кореляковъ.

Въ Корелѣ, какъ только кто умереть—мужчина то или женщина—все равно, тотчасъ родственники умершаго со слезами и причитаньями приглашаютъ нѣсколькихъ старухъ для омовенія трупъ. Трупъ кладутъ на полъ, на солому и моютъ его водой и мыломъ. Потомъ омытый трупъ поднимаютъ на лавку въ большомъ углу и расprostируютъ его головой къ иконамъ. Подъ него подстилаютъ солому. На окно, подлѣ котораго лежитъ трупъ, ставятъ чашку чаю, а въ иныхъ домахъ и кофе,—блюдо съ пирогами и чашку съ холодной водой. Для чего все это?—Первые два блюда (чай и пироги) для того, чтобы душа покойника, пока находится на землѣ, могла отвѣдать кушаньевъ въ своемъ родномъ домѣ; а вода полагается для того, чтобы душа, по выходѣ изъ тѣла, могла омыться въ «холодной водушкѣ». Душу кореляки представляютъ или въ видѣ пара, или въ образѣ птички, большею частью ласточки, а иные и въ видѣ чайки. Держать трупъ въ домѣ обыкновенно дня 2 или 3. По ночамъ «караулить умершаго»—куо лайдъ вардуюйтъ собираются множество старухъ и стариковъ, которые сказками и различными занимательными разсказами коротаютъ длинную ночь: разсказываютъ о мертвецахъ, о привидѣніяхъ, о лѣшихъ, водяникахъ, домовыхъ и пр...

Гробъ дѣлается самый обыкновенный, изъ досокъ; только младенцы погребаются въ выдолбленныхъ чурбанахъ-гробахъ. Закрытый гробъ младенца ничѣмъ не отличается отъ круглаго полѣна; и такое близкое сходство однажды подало поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ.

Одинъ крестьянинъ принесъ на погостъ трупъ своего ребенка въ гробикѣ-чурбанѣ. Было еще раннее утро, и батюшка крѣпко почивалъ подъ теплымъ одѣяломъ. Чтобы не беспокоить его, крестьянинъ ткнулъ гробикъ въ поповскій костеръ (чтобы собаки не достали), а самъ пошелъ къ знакомымъ крестьянамъ справить кой-какія дѣла. Тѣмъ временемъ проснулась попадья. Ничего не зная о принесенномъ покойникѣ, она первымъ дѣломъ съ утра стала топить печь: сходила на улицу, принесла въ избу дровъ и стала бросать ихъ въ печь; какъ бросить одно изъ круглыхъ полѣньевъ, и что же?... Оно моментально распалось на двѣ части, и изъ него выпалъ трупъ младенца... Въ домѣ началась тревога, крикъ, шумъ, слезы... И только возвратившійся отъ знакомыхъ крестьянинъ объяснилъ въ чемъ дѣло. «Смотри, впередъ этого у меня не смѣй дѣлать», строго замѣтилъ ему священникъ..., что гробы для младенцевъ до сихъ поръ дѣлаются долбленые.

Съ боку въ гробахъ для взрослыхъ прорѣзывается небольшое отверстіе, въ которое вставляется стекло и дѣлается такимъ образомъ что-то въ родѣ небольшого окна.

Покойника одѣваютъ въ чистую, вымытую одежду (изрѣдка только шьется новая одежда), и на грудь ему кладутъ небольшую бѣлую холщевую тряпочку. Всякій, кто приходитъ на домъ поклониться праху умершаго, кланяется нѣсколько разъ иконамъ, потомъ подходитъ къ трупу, беретъ въ руки тряпочку и машетъ ею поверхъ трупа по направленію отъ головы къ ногамъ и обратно. Въ гробъ въ изголовье покойника полагаютъ вѣнечный листъ и нескіе стружки... Солома, на которой лежалъ трупъ, и щепки отъ гроба—бросаютъ въ воду, и послѣднія (т. е. щепки), по мнѣнію кореляковъ, тотчасъ же тонутъ и никогда не всплываютъ на поверхность воды. Встрѣтиться съ гробомъ покойника, когда его несутъ въ церковь или изъ церкви,—считается за дурное предзнаменованіе. Когда тѣло отпоютъ и гробъ понесутъ вонъ изъ церкви на кладбище, ближайшіе родственники умершаго—женскій полъ, начинаютъ причитывать еще въ самой церкви.

Съ растрѣпанными косами, съ сбитыми съ головы платками, онѣ кричатъ во весь духъ, кланяются мѣстнымъ иконамъ и съ причитаньями же идутъ на кладбище. Въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ копѣйку—откупаютъ мѣсто для умершаго. Гробъ опускаютъ въ могилу на кушакахъ или на холстѣ, который потомъ идетъ въ пользу церковнаго причта.

Послѣ погребенія устраивается для гостей поминальный обѣдъ—«веро». За обѣдомъ поминаютъ умершаго вутѣй, которая готовится изъ рослой ржи, и варенымъ горохомъ. По представленіямъ кореляковъ, душа умершаго въ продолженіи сорока дней послѣ смерти находится на землѣ: посѣщаетъ свой домъ, осматриваетъ свое прежнее хозяйство и дѣлаетъ даже распоряженія—спитъ такому-то сосѣду рубашку, подаритъ такому-то его новый кафтанъ, и такіа посмертныя распоряженія исполняются вточности.

Въ сороковой день («мустайжить»—чернины) совершаются по умершемъ поминки. Заказывается обѣдня и готовится для гостей обѣдъ. Священнослужителей, идущихъ изъ церкви на обѣдъ, встрѣчаютъ родственники умершаго съ причитаньями, съ подушкой въ рукахъ или на головѣ. По объясненію кореляковъ, этотъ обрядъ означаетъ то, что вмѣстѣ съ «нонами» приходитъ изъ церкви въ домъ душа умершаго, еѣ то и принимаютъ родственники на подушку, несутъ въ домъ и кладутъ на печку. На печку предъ подушкой ставятъ приборъ и накладываютъ цѣлую гору пироговъ—пусть усоншій утощается. Около въ домъ, предъ столомъ, открываютъ (а если зимнее время, то, опустивъ полотенце, снова закрываютъ его) и изъ него опускаютъ на улицу конецъ полотенца, другой же конецъ его поднимаютъ на столъ,—этотъ устривается путь въ домъ для усоншаго.

За столомъ также оставляется одно мѣсто, никѣмъ не занятымъ; на него кладутъ пироги, хлѣбъ и ложку, и никто изъ гостей во время обѣда ими не пользуется; этотъ приборъ также предназначается для умершаго, который, по убѣжденію кореляковъ, невидимо присутствуетъ за обѣдомъ.

Приведу для иллюстраціи одинъ случай посѣщенія мертвымъ своего дома, слышанный мною въ Корелѣ. «Разъ это я на канунѣ «мустай жидъ», рассказывалъ корелякъ, идѣвшій въ сороковой день своего умершаго брата, возвращался вечеромъ домой. Бѣднѣлъ я на погостъ, въ лавочку—закупить на «веро» постнаго масла да гороховой крупы. Бѣду я тихонько и напѣваю: Господи Сусей Христосъ, Сина Вожей,—помилуй насъ, вдругъ гляжу на дорогѣ стоитъ мужчина, подѣхалъ ближе, гляжу—братъ, умершій 40 дней тому назадъ, стоитъ въ той самой одеждѣ, въ которой былъ погребенъ. Подѣхалъ я къ нему, слышу говоритъ: «Я, братъ, къ тебѣ бѣду на «веро», подвези, пожалуйста, меня». Я ужъ ни живъ, ни мертвъ—стегнулъ скорѣе лошадь и помчался во весь духъ домой; оглянусь какъ, такъ позади меня сидитъ умершій братъ. Я еще шибче погоняю лошадѣ... всю дорогу, до самаго дома, видѣлъ покойника, а какъ только подѣхалъ къ домовому крыльцу—вдругъ скрылся, должно быть въ домъ прошелъ. Подѣхалъ это я къ крыльцу, соевожилъ вторыхъ съ саней—недосугъ даже лошади распрягать—спрашиваю у жены: приходитъ кто-нибудь сейчасъ въ избу?—Нѣтъ, говоритъ, никого не было, никто сейчасъ не приходилъ, была сосѣдка—Катти, такъ ужъ часъ

тому назадъ, какъ ушла... Перекрестилъ я на ночь всѣ двери и окна, лёгъ спать, благословясь, и ничего, съ Богомъ, во всю ночь не привидѣлось... И послѣ этого ни разу никогда болѣе не видывалъ мертвецовъ»...

Кромѣ сороковаго дня, поминoweнiе умершихъ совершается еще въ такъ называемыя родительскія субботы. Въ эти дни бабы—корелки напекаютъ множество пироговъ, блиновъ, рыбниковъ—и все это на большихъ блюдахъ несутъ въ церковь. Отстоявъ обѣдню и выслушавъ панихиду, богомольцы направляются на кладбище. Положить—это баба блюдо съ пирогами на могильный холмикъ, сама подсадетъ рядомъ, подопретъ щеку рукой и давай плакать и причитывать,—и это продолжается полчаса, а иногда и цѣлый часъ... Наплакавшись вдоволь, она потомъ раздаетъ пироги нищимъ, прося ихъ помолиться о упокоенiи души такого то,—и спокойно возвращается домой, исполнивъ долгъ по отношенiю къ умершимъ сродникамъ.

Причитанья надъ покойникомъ.

(До омовенiя трупa).

Вастаттихъ-го валгедадъ сундудъ?
Отэттихъ-го орхедадъ сундудъ
Ойгедадъ кядуйжезъ,
Питкянъ матканъ мяндудъ?
Вьедихъ-го виһандилә нурмужилә,
Вастаттихъ-го валгединъ туһуҗу-
жидәнъ-керә,
Урой валгедъ-армойжени?
Вьедихъ-го лямилә пачийжилә,
Сорей армойжени?
Пандиһъ-го столайжидәнъ-пйәһъ,
Питкидәнъ маткайжидәнъ мяндуй?
Озутэттихъ-го калләһитъ армойжидъ,
Аммуј аленуҗидъ;

Отэттихъ-го үксихъ артелійжиһъ,
Тундустэттихъ-го, сула-армойжени, си-
нудайжъ?.

Встрѣтили-ли тебя бѣлые «сундудъ»?
Взяли-ли тебя «орхедадъ-сундудъ»
За правую рученьку,
Дальнюю дорогу прошедшаго?
Свели-ли они тебя на зеленую муравку,
Встрѣтили-ли тебя, «урой-бѣло-милой»,

Съ бѣлыми свѣчами,
Подняли-ли на теплыя печки.
Посадили-ли за столъ тебя,
«Сорей-милой»?
Показали-ли они тебѣ дорогихъ-милыхъ,
Давно опустившихся;
Взяли-ли они тебя въ свои артели (компa-
ни).

Узнали-ли тебя, очень-милой?

(Послѣ омовенiя).

Качо нюҗо, урой-калличъ-армойжени.
Валгединъ вакки-собайжиһъ сәҗитәттү,
Ойгедилә пууһуйжилә ойгендәлтү!
Вуота кюзеләнъ, күллә-армойжени,

Дѣго оладъ суувридәнъ сундуйжидәнъ
эдәсъ?

Пандиһъ-го, соредъ-армойжени,
Срәҗитунъ столанъ таҗуйжиһъ,
Кудайжидәнъ кунинвуодәнъ,—таҗавсъ?
Күлләтәддиһъ-го күллайжесъ
Питкянъ матканъ миҗдәсъ?..

Вотъ теперь, «урой»-дорогой-милой,
Наряженъ ты въ бѣлыя необычныя одежды,
На прямые деревья (скамы) расправленъ.
Подожди спрошу я у тебя, «күллә»—
милой (күллайъ—до сыта);
Уже ли ты предсталъ предъ лицо вели-
кихъ «сундудъ»?

Посадили-ли они тебя, «соредъ»—милой,
За строченые (украшенные) столы,—
Столы золоченые царскіе?
Напитали-ли они тебя до сыта,
Длинную дороженьку прошедшаго?..

(Далѣе идутъ вопросы перваго причи-
танья).

Діятнѣ піенидъ лапсуйжидъ
Айгайживсь армуойтомайживсь,
Піендаръ-һейнайжидәнъ піенұмаксъ
Муанъ-һейнайжидәнъ надалумаксъ.

Оставилъ ты послѣ себя маленькихъ дѣ-
тушекъ,
Безвременныхъ (преждевременныхъ) си-
ротинчечекъ,
Какъ трава межи маленькихъ,
Какъ дубровка—низенькихъ...

(Когда въ сараѣ начнутъ дѣлать гробъ).

Опи, кўль-армойжени,
Кўмменилѣ кўндўйжилѣ кўгәдәлтәксәһъ,
Алләннуйжилѣ аскелуйжилѣ азәтәлдә-
ксәһъ.
Опи-вай, кудайнә — армойжени, куон-
дудә...
Куондүтәлкәтә, кудайжедь сўндўйжедь,
Изволикәтә, армаһадъ сўндўйжедь.

Попробуй, «кўль-милий (до сыта—ми-
лий),
На десять noktovъ приподняться,
Попробуй слабенькіе шажки дѣлать.

Опи-вай каксилѣ каткеннуйжилѣ дялгай
жилѣ
Кабахтәлдаксәһъ, опи, урой - калижъ-
армойжени. .
Синулѣ, кудъ-армазъ—лапсуйжени,
Азәтәлтаһъ игайжедь кодійжедь.
Ляккя, сула-армойжени, качодъ,
Синулѣ луадитудъ игайжедь кодійжедь...
Луадигаттә урой-сула-армойженилѣ
Игайжедь кодійжедь!
Кай дѣ онъ азәтәтту,

Попробуй, золотой-милий,
Очувствоваться (придти въ себя отъ сна).
Разбудите его, золотые - милые - сўн-
дўдә,
Пожалуйста, пробудите!!

Кай онъ луадитту краватійжедь...
Азәтәлкәттә калижъ армой женилѣ
Піелузъ - піәһүдәдъ піәсқуй - лин-
дунъ һөһненійжизъ,
Суувридәнъ сўндўйжидәнъ әдәһъ лях-
тәдәзъ...

Попробуй на двѣ надломившіяся ножки
привскочить,
Попробуй, «урой»-дорогой-милий.
Тебѣ, милое-золотое-дитяtko,
Вѣчные дома строить;
Пойдемъ, «сула»-милий,
Посмотришь на нихъ,
Для тебя приготовленныхъ.
Стройте (обращается плакальщица къ плот-
никамъ) «урой»-«сула»-милому
вѣчные дома!

Дѣ онъ кай азәтәтту,
Кай онъ луадитту...

Уже всё налажено,
Уже кровати для него готовы.
Набейте ему подушки пухомъ ласточекъ,—
Ему, милому-дорогому,
Къ великимъ «сўндў» уходящему.
Уже все налажено,
Все приготовлено.

Н. Лысков.

«Віандўйидъ».

Время отъ кануна Иванова дня (23-го іюня) до Петрова дня (29-го) кореляками считается за время святое—«віандўйидъ». Въ продолженіи всего этого времени всѣ растенія—травы, цвѣты, листья на деревьяхъ и самая роса считаются цѣлебными, годящимися во всякое мѣсто «дәга сінәһъ пятәһъ». Во весь этотъ періодъ не могутъ половъ, не мочать вѣнниковъ и помяль, не могутъ бѣлья, не мажутъ дѣгтемъ сапоговъ и не ходять въ баню... Кстати замѣчу, ходить въ баню для кореляковъ величайшее удовольствіе. Въ лѣтніе дни бани топятся ежедневно; и всѣ, пришедшіе съ работы, «валомъ вальятъ» въ нихъ помытъ свое грѣшное тѣло и распарить кости. Бани кореляковъ величиною не

болѣе какъ въ квадратную сажень или полторы... Каменка занимаетъ почти половину, по стѣнамъ узкія скамьи, и подлѣ каменки высокой полочкѣ. И представьте себѣ, что въ этой тѣснотѣ помѣщается человѣкъ 20—30 обоого пола: здѣсь и мужики, и бабы, парни и дѣвушки, и маленкія дѣти; всѣ хлещутъ себя вѣвниками, всѣ парятся до полузабытья. Совмѣстное хожденіе въ баню обоихъ половъ не ведетъ однако къ случаямъ прелюбодѣнія. Совершить прелюбодѣніе въ банѣ, по мнѣнію кореляковъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ грѣховъ и наказывается очень строго. Напарившись до изнеможенія, всѣ бросаются въ озеро или рѣку—остыть въ холодной водѣ; послѣ холодной ванны, снова начинается паренье еще съ большимъ ожесточеніемъ; потомъ опять купанье и снова паренье, и такъ чередуется нѣсколько разъ. Зимой же, послѣ паренья, выбѣгаютъ на улицу, сидятъ на снѣгу, оканиваются холодною водою изъ проруби... Такіе рѣзкіе переходы отъ жару къ холоду и отъ холоду къ жару приучаютъ кореляковъ безвредно переносить всевозможныя пережыны температуры и застраховываютъ ихъ отъ заболѣваний простудою...

Возвратимся къ прерванному разсказу о «віандуѣйдъ». Въ старину, по словамъ стариковъ, во время «віандуѣйдъ» затыкали даже колокола, привязываемые на шею коровамъ: «за то и хлѣба Богъ давалъ людямъ, когда все точно исполнялось, а теперь, какъ все пошло шиворотъ на выворотъ, то добраго нечего и ждать». Во время «віандуѣйдъ» кореляки собираютъ лѣкарственные травы, ломаютъ вѣтви берѣзы для вѣвниковъ и приносятъ вересъ и ольху для паренія молочныхъ горшковъ. Изъ лѣкарственныхъ травъ нѣ удалось узнать:

а) «Урчуй-нейнэ»,—употребляется при боли въ желудкѣ; траву эту завариваютъ кипяткомъ и пьютъ по неньгу на тощакъ; употребляется она также для излѣчиванія отъ призора: на огонь бросаютъ «урчуй-нейнэ» и дымомъ ея окуриваются.

б) «Равдъ Вобайнэ» — эта трава употребляется, какъ кровеостанавливающее средство, при разрѣзахъ; накладывается на рану, и кровь моментально останавливается.

с) «Куувзэнъ-лехти» — отъ чесотки; пьютъ въ заваренномъ видѣ въ кипяткѣ и мажутъ больныя мѣста.

д) «Айлазъ-нейнэ» — отъ колотыя.

е) «Койранъ-ватжуй» (родъ щавеля) — отъ чесотки.

ф) «Лутин-нейнэ», — какъ средство отъ влоповъ.

г) «Збировой» — звѣробой, пьютъ вмѣстѣ чаю

h) Клеверъ — отъ призора.

і) Цвѣты земляники и малины — завариваютъ и пьютъ, какъ чай.

ж) «Туувлэнъ кобрэ» — рука или пясть вѣтра; растетъ на ели и представляетъ изъ себя густой вѣвникъ, состоящій изъ весьма укороченныхъ, тѣсно сидящихъ вѣточекъ. Употребляется, какъ средство отъ призора. Дѣтей, заболѣвшихъ отъ призора, обмазываютъ нѣсколько разъ водою сквозъ «туувлэнъ кобрэ»...

Собранныя послѣ «віандуѣйдъ» эти же самыя травы теряютъ цѣлебныя свойства и свое значеніе. Особенно время «віандуѣйдъ» важно для дѣвушекъ... Наканунѣ Иванова дня (23-го іюня) онѣ собираютъ цвѣты и дѣлаютъ изъ нихъ вѣвники (это впрочемъ дѣлаютъ и нныя молодые парни); этими вѣвниками онѣ парятся въ банѣ и потомъ бросаютъ въ воду: у которой дѣвушки вѣвникъ утонетъ, той не бывать скоро замужемъ, или она скоро умретъ; а у которой уплыветъ далеко и не затонетъ, — ту скоро возьмутъ замужъ, или она не умретъ въ этотъ годъ. Потомъ: на канунѣ же Иванова дня вечеромъ дѣвушки отправляются въ лѣсъ и полагаются въ ржаные поля, принадлежащія тѣмъ хозяйствамъ, у которыхъ въ домѣ есть молодой парень, — полотенце, кусочекъ мыла и серебрянную монету. Эти вещи лежатъ тамъ до самаго кануна Петрова дня. Вся ночь на Петровъ день корельскою молодежью проводится безъ сна; въ эту ночь никто изъ нихъ не смыкаетъ глазъ ни на минуту. Съ вечера на селѣ начинаются танцы и различныя игры; парни шутятъ и заигрываютъ съ дѣвушками, ѣдятъ приники, грызутъ конфеты, и время незаметно проходитъ до полуночи. Въ самую полночь дѣвушки идутъ въ поля и берутъ обратно спрятанныя вещи. Собираютъ также цвѣтъ ржи, который потомъ хранится въ продолженіи цѣлаго года; онъ, по мнѣнію кореляковъ, привлекаетъ

любовь и дѣлаетъ дѣвушку, носящую его, — во всѣхъ отношеніяхъ милою, привлекательною, потому-то молодежь женскаго пола, отправляясь на «бесѣду» или на гулянья, всегда берётъ его съ собой, въ карманъ. «Купаются» — подкупаютъ въ росистой ржи и собираютъ въ чашку росу. Однѣ дѣвушки «купаются» въ одеждѣ, а другія совершенно голыми. Собранныя ночью роса — на угро разбавляется водой и ею умываются, идя въ церковь къ обѣднѣ или на гулянку, чтобы поправиться молодымъ парнямъ. Мыло, полотенце и серебрянная монета, пролежавшія въ полѣ во все время «віандуёйдъ» — цѣнные вещи въ рукахъ корелки-дѣвушки. Онѣ служатъ однимъ изъ лучшихъ средствъ пустить о себѣ въ людяхъ хорошую молву — «лемби ностай» — и привлечь вниманіе и любовь молодыхъ людей. При умываніи монета опускается въ воду. Дѣвушка умывается мыломъ и утирается этимъ полотенцемъ и послѣ этого — навѣрняка можетъ рассчитывать, что понравится любому парню.

Наступилъ Цетровъ день, ударили въ церковный колоколъ къ утренѣ, и всѣ цѣлебныя свойства росы и травъ сразу же уничтожаются. Та же самая трава, кажется, такая же и роса, — да она ужъ болѣе нигуда не годится... Потому-то корельскія дѣвушки и дорожатъ такъ временемъ «віандуёйдъ», временемъ, въ которое можно привлечь къ себѣ не одного молодца...

Какъ присушить парня къ дѣвкѣ... Любовь молодого человѣка къ дѣвушкѣ возникаетъ, по мнѣнію кореляковъ, не естественнымъ чисто путемъ, какъ чувство здороваго человѣка, а непременно происходитъ при помощи наговоровъ и нашептываний. Начинается любовь при помощи колдовствъ и наговоровъ и кончается только при содѣйствіи ихъ. Сама собой она не можетъ ни начаться, ни кончиться... Нѣкоторые изъ наговоровъ, при помощи которыхъ дѣвушка можетъ присушить («пашгуттай» — буквально — припечь) къ себѣ парня, мнѣ удалось узнать, хотя и съ большими усиліями и стараніями. Вотъ они: 1) Дѣвушка кладетъ къ себѣ въ пазуху живую рыбу и держитъ ее тамъ до тѣхъ поръ, пока она не умретъ. Во время держанія она постоянно произноситъ: какъ эта рыба умираетъ, такъ точно и такой-то парень пусть по мнѣ умираетъ (куй тямъ кала куоловъ, муга анда Микко минудъ мѳоти куоловъ). Потомъ эту издохшую рыбу запекаютъ въ рыбникъ и угощаютъ того парня, котораго хотятъ присушить. 2) Дѣвушка отстригаетъ у себя часть волосъ. Эти волосъ сожигаетъ на огнѣ со словами: какъ эти волосъ горятъ въ огнѣ, такъ точно пусть душа такого-то парня горитъ по мнѣ — что ни день, что ни мѣсяцъ, что ни годъ, а во всю здѣшнюю жизнь (куй нѣммѣ тукадъ палетаѣтъ тулѣзъ, муга анда Миконъ хенги палагахъ минуѣ, мида пѣйдъ, мида куувдъ, мида вуоттѣ, сѣйтъ илимаштъ игядъ). Зола отъ сожженныхъ волосъ принимается къ питью или пищѣ и скармливаетъ я извѣстному парню. 3) Дѣвушка идетъ въ баню, берётъ съ собой сковороду, сидя на которой и моетъ. Мыльная вода, скопившаяся на сковородѣ, нѣсколько разъ вращается около стѣнокъ сковороды со словами: какъ эта вода вращается около сковороды, такъ пусть такой-то парень ходитъ постоянно около меня (куй тямъ вези ѳибари ріехтилѣзъ нѳорувъ, муга анда Микко ѳибари минуѣ кивелевъ). Потомъ эту воду приносятъ домой и на ней пекутъ пироги для присущиваемаго парня. 4) Если парень, котораго хотятъ присушить, ходитъ къ дѣвушкѣ въ домъ и сидитъ иногда на лавкѣ (въ корельскихъ избахъ вдоль стѣнъ прибиваются широкія лавки), то для «присуха» его достаточно отрѣзать ножомъ кусочекъ дерева съ того мѣста, на которомъ онъ сидѣлъ, сжечь въ жараткѣ, и этотъ парень придетъ снова въ домъ къ дѣвушкѣ и полюбитъ ее. 5) Дѣвушка беретъ свои регулы и принимаетъ ихъ къ пищѣ или питью того парня, котораго намѣрена присушить. Это средство, хотя и употребляется между кореляками очень часто, но относится къ числу санныхъ «грѣшныхъ»: «кто изъ дѣвокъ только станетъ такъ колдовать, говорила мнѣ расказчица, та присушитъ — присушитъ парня, но за то «убьетъ судьбу» его — «таппавъ нѣнѣтъ ованъ», сдѣлавъ его на вѣкъ несчастнымъ; оттого-то и желудочныя боли у нѣкоторыхъ мужей (въ корелѣ страдающіе желудочными болями встречаются очень часто), параличъ (параличъ кореляками считается самое страшное болѣзнь, бабы, ругаясь между собой, въ спорѣ, въ числѣ всякихъ пожеланій, непременно посылаютъ другъ другу параличъ — «нулайдайжъ каку синудъ») и др. болѣзни». 6) Дѣвушка

съ матерью или другой женщиной, идетъ въ лѣсъ; отыскиваютъ муравейникъ и неподалеку отъ него густой кустъ нвы. Затѣмъ дѣвушка роетъ въ срединѣ муравейника яму; раздѣвается до нага и становится въ вырытое углубленіе. Женщина подаетъ ей воду, и она обливаетъ себя. Между тѣмъ въ кустъ нвы долженъ быть сдѣланъ ходъ съ тою предосторожностью, чтобы при этомъ не повредить корней и вѣтвей нвы. Облившись водой, дѣвушка должна пролѣзть сквозь кустъ нагая. Потомъ она одѣвается и идетъ домой: «будь хоть столѣтняя дѣвушка, а «нранется» (т. е. выйдетъ замужъ), заключила рассказчица.

Н. Лысковъ.

Китаби-Коркудъ.

Борьба богатыря съ ангеломъ смерти.

Настоящая книжка Живой Старины (соединенныя 3 и 4 вып.) въ значительной степени посвящена турецкимъ народностямъ. Въ исполненіе своего давняго желанія и съ разрѣшенія редактора Записокъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археол. Общ. (т. VIII) считаю уместнымъ тутъ же перепечатать (съ выпускомъ турецкаго текста и нѣкоторыхъ примѣчаній переводчика молодого нашего ученаго г. Бартольда) это прекрасное, высокохудожественное произведеніе турецкой поэзіи. Оно пресится въ стихи, и я слышалъ—одинъ изъ нашихъ поэтовъ, уже подарившій нашей литературѣ нѣсколько весьма удачныхъ стихотвореній въ восточномъ духѣ, собирается передать въ стихахъ эту поэму: борьба богатыря съ ангеломъ смерти. *Ред.*

Предлагаемая легенда взята мною изъ турецкой рукописи, хранящейся въ Дрезденской Королевской Библіотекѣ (по каталогу Флейшера № 86); въ Берлинской Библіотекѣ есть копія, сдѣланная Динцемъ (Diez), въ началѣ нашего вѣка (по каталогу Перча № 204). Рукопись не датирована; Флейшеръ и Перчъ совсѣмъ не высказываются относительно ея древности. На одной изъ послѣднихъ страницъ помѣчено: «годъ смерти Османъ-паша—993» (1585 г. по Р. Х.), изъ чего можно заключить, что рукопись написана около этого времени или немногимъ позже. Изъ европейскихъ ученыхъ рукописью впервые воспользовался Динцъ, который въ своихъ «Denkwürdigkeiten von Asien» (II, 399 sq.) издалъ въ текстъ и переводъ одну легенду, вполне сходную съ греческимъ мифомъ о Полифемѣ. Нѣльдеке въ 1859 г. переписалъ всю рукопись и перевелъ значительную часть ея, но, не понявъ многихъ мѣстъ, не отдалъ своего труда въ печать. Въ бытность мою въ Страсбургѣ я, благодаря любезности проф. Нѣльдеке, могъ пользоваться этой работой. Мнѣ удалось разобрать нѣсколько больше, чѣмъ Нѣльдеке, такъ какъ теперь существуютъ лучшія научныя пособія, чѣмъ въ 1859 г.; но и для меня многое до сихъ поръ остается непонятнымъ. Установить текстъ по одной рукописи всегда трудно, особенно когда имѣешь дѣло съ архаическимъ языкомъ, со словами и грамматическими формами, которыхъ, по всей вѣроятности, не понималъ самъ переписчикъ. При изложеніи легенды я буду отгивать всѣ мѣста, гдѣ мой переводъ неполонъ и сомнителенъ. Нѣкоторые цѣнные указанія я обязанъ академику В. В. Радлову и профессору В. Д. Смирнову.

Заглавіе книги: «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ, на языкѣ племени огузовъ». Огузы, какъ извѣстно, были предками нынѣшнихъ туркменовъ; изъ нихъ среды вышли и османы. Книга состоитъ изъ введенія (пословицы, афоризмы и краткія характеристики) и 12 отдѣльныхъ эпическихъ разсказовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя считатьъ въ единствѣ поэмы; имена богатырей, эпитеты, характерныя выраженія постоянно повторяются; постоянно